

ВОПРОСЫ МЕТОДОЛОГИИ

Г. Л. Тульчинский

Цивилизационная динамика форм государства: схождение цивилизационных трендов постимперской глобализации и буржуазного национализма

УДК 304

Цивилизационное развитие связано с типами и формами государственного устройства. Социокультурные процессы, вызванные изменением социальной ментальности и способов ее реализации, создают новые способы государственного устройства. В современной России эти способы испытывают влияние идей глобализации и национализма.

Ключевые слова: государство, глобализм, национализм.

G. L. Tulchinskij. Civilizational Dynamics forms of state: post-imperial globalization and bourgeois nationalism

Civilizational development is related to the types and forms of government. Sociocultural processes caused by changes in the social mentality and ways to implement it, create new ways of government. In modern Russia, these methods are influenced by the ideas of globalization and nationalism.

Key words: government, globalism, nationalism.

1. Историческое нарастание роли государства и пафос имперскости глобализации

Проблема государства в политической философии и развитии политической культуры наций играет чрезвычайно важную роль. Во-первых, государство является наиболее исторически развитой формой

политической власти. Во-вторых, оно представляет собой наиболее развитый социально-политический институт, точнее – систему таких институтов. В-третьих, государство является ключевым фактором формирования общества, нации.

Можно выделить несколько типологически основных концепций государства.

Согласно *теологической концепции*, государство суть проявление Божественной воли, ее продолжение и земное воплощение.

Согласно *классической концепции* (А. Кожев называет ее «арифметической»), государство есть совокупность *власти*, гарантирующей внутренний и внешний суверенитет, *территории*, имеющей четко определенные границы, и *населения* (граждан этого государства). Разновидностью классической концепции является понимание государства, как результата проявления политической и военной силы (например, в результате войны или обороны от агрессии).

В *юридической концепции* (например, И. Канта) государство есть именно множество людей, объединенных законами, определяющими порядок жизнеустройства такого социума.

Социологическая концепция (М. Вебер) выделяет три характеристики государства:

- административный и правовой порядок, изменяемый посредством опять-таки – законов;
- принудительная власть данного порядка – как над гражданами, так и всеми действиями, происходящими на данной территории;
- монополия на легитимное насилие.

В *управленческой концепции* (Э. Гидденс) на первый план выведены тоже три характеристики государства:

- система институциональных форм монопольного контроля над территорией с демаркированными границами;
- система санкционированных законом правил;
- система непосредственного контроля над средствами внешнего и внутреннего контроля.

По мнению А. Кожева, Античность знала два типа государства: государство-семья (клан) и государство, основанное на господстве. Именно эти типы государственной власти фигурируют в античных трагедиях.

Средневековое государство представляло власть либо универсальной церкви, либо воплощенной индивидуальной универсальности короля.

Новое время, как формирование буржуазного государства, воплощается в борьбу за собственность и экономическое господство с последующим политическим признанием этого господства.

Эволюция государства (А.Кожев)

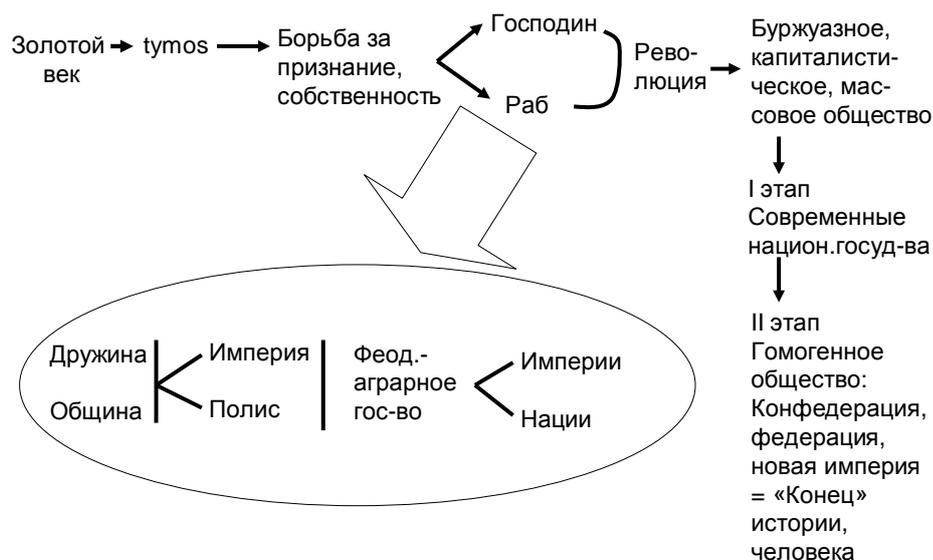

Рис.1. Эволюция государства (по А. Кожеву).

Буржуазное национальное государство, согласно А. Кожеву, проходит два этапа развития:

I этап – формирование гражданского общества, буржуазных республик, современных демократий;

II этап (под влиянием глобализации экономики) – формирование гомогенного государства массового общества с переходом от национальных государств к федерациям, конфедерациям и новым империям.

С этими идеями перспектив государственности А. Кожев [5; 6] и выступил как идеолог и практик европейской интеграции. На первый взгляд, исторический процесс подтверждает правоту А. Кожева. Глобализация, основой которой выступила западноевропейская цивилизация несколькими волнами (о которых еще будет идти речь ниже) охватила мир. Не случайно участник кожевского семинара Ф. Фукуяма на стыке 1980-х и 1990-х выступил с идеей «конца истории».

Согласно П. Бурдьё, формирование государства является завершением процесса концентрации различных видов капитала:

- физического принуждения (средств насилия): армия, полиция, сбор налогов;
- экономического капитала, прежде всего – рынков;
- культурного капитала (язык, образование, ментальность, искусства, информация, коммуникация);
- юридического капитала (законодательство, правовая система);
- символического капитала (почести, геральдика, ритуалы, праздники...).

Такая концентрация порождает «мета-капитал», владельцем которого и над другими владельцами становится государство.

Построение государства сопровождается созданием своего рода общего исторически трансцендентального субъекта, имманентного всем подданным государства – в их сознание внедряются формы и категории сознания, восприятия и мышления. Тем самым, оно создает обстоятельства как бы согласования габитусов, являющегося основанием некоторого рода консенсуса по совокупности взаимопризнаваемых бесспорных истин, составляющих здравый смысл.

Тем самым решается проблема легитимности государства – ключевой вопрос любой политической практики. Парадокс в том, что устанавливаемый государством порядок не составляет проблему легитимности, чтобы вне ситуации кризиса вопрос о ней не стоял бы. У легитимного государства нет необходимости давать приказы и совершать насилие, чтобы упорядочить социальный мир: он будет существовать столь долго, сколько государство способно производить инкорпорирование когнитивной структуры, ее согласование с объективными структурами, и, таким образом, обеспечивать докситическое подчинение установленному порядку.

Из этого вытекает ключевая роль в формировании легитимного государства символического капитала и права, как формальных и ментальных (содержательных) рамок мировосприятия и поведения. В традиционных государствах легитимность обеспечивалась при условии, что знать была выразителем общего интереса. Например, способностью принесения в жертву обществу собственных эгоистических интересов. Так, именно такое служение входило в нравственные кодексы чести дворянства, рыцарства. Отказ элиты от такого служения обществу разрывает негласный социальный контракт легитимно-

сти власти. Именно такая ситуация сложилась в России на пороге двух последних столетий, когда горбачевскую перестройку и Б. Н. Ельцина поддержала подавляющая часть граждан, состоявшая из ИТР, научных работников, врачей, учителей. В СССР все они были работниками бюджетной сферы, т. е. находились на государственной службе. И именно эти социальные группы больше всего пострадали от непродуманных реформ, прежде всего – ускоренной приватизации. А демонстративный отказ новой власти от служения общим интересам окончательно добил легитимность постсоветской демократии.

Проблемы слабых и несостоявшихся в условиях глобализации государств вынуждают обратиться к переосмыслению динамики форм государственных систем...

Так, тренды централизации власти достаточно очевидны: независимость, суверенитет – союз – федерация – унитарное государство, империя. Именно в такой последовательности.

Более того, Б. де Жувенелем [4] впервые была отмечена историческая тенденция нарастания и разрастания власти. При этом, политические кризисы (кризисы власти), разрешаемые революциями, ведут к большему властному контролю. Так, до XIX столетия власть сводилась к суверенности (правомочности) и обеспечению общественного блага. Проблема суверенности или неэффективность власти приводили к утрате легитимности и замене политического режима. В каком-то смысле это было доминирование политического номинализма: люди были чем-то большим, выходящим за рамки контролируемой властью части социума. Так, большую часть истории войны велись специальными армиями (включая наемные), состоящими из профессиональных воинов, содержание которых обеспечивалось властителем. И эти войны только косвенно затрагивали гражданское население, которое легко переходило от одного властителя другому. Но с XIX столетия в военные действия уже втягивается все население, включая детей. Первая война, в которой участвовало все население страны, была война Пруссии и республиканской Франции. Эта же тенденция прослеживается по нарастающей и в других военных конфликтах XX столетия.

Община		Дружина
Полис	Рабовладение	Империи
Города	Феодализм	Империи
Гражданское общество	Капитализм, индустриальное общество	Национальные государства
Проектно-сетевой социум	Глобализация, массовое информационное общество	Новый порядок?

Рис. 2. Цивилизационные этапы развития форм государства

Честно говоря, глобализация, фактически, всегда присутствовала в историческом процессе в форме исторических империй, каждая из которых выступала с универсальным проектом политического обустройства: надэтничного и надконфессионального. Все известные в истории империи (Александра Македонского, Древний Рим, Византия, империи древнего и средневекового Китая, Священная Римская империя, Австро-Венгерская империя) оставляли после себя великие культуры. Можно утверждать, что прорывы и «разливы» цивилизации в истории осуществлялись именно империями. Несомненен цивилизационный вклад Римской империи, в Новое время великие культуры оставили Британская империя, империя Габсбургов. Недолгий век наполеоновской империи оставил заметный вклад: от распространения метрической системы и «кодекса Наполеона», легшего в основу ряда европейских конституций, до правостороннего движения, введенного Бонапартом в пик Британии. Даже империя Чингизидов оставила по-

сле себя не только несколько долговременных династий с определенной системой государственного управления, но и эффективную систему почтового сообщения на просторах Евразии.

В постимперской культуре много конструктивного, объединяющего, способствующего снятию противостояний, раздробленности, развитию государственности и просвещению, гуманитарного развития, личностной реализации. Не случайно М. Уолцер – один из крупнейших теоретиков современного либерализма, рассмотрев все исторические формы государственности, пришел к удивившему его самому выводу, что наиболее толерантными из них были империи [14]. В империях представители этнических меньшинств делают политические, научные, художественные, деловые, военные и прочие карьеры, которые просто немыслимы в условиях национальных государств. В этом плане, еще на стыке веков привлекательная и оказавшаяся столь плохо продуманной тема толерантности является производной от процесса глобализации и может получить новую глубину и практическое наполнение именно в контексте постимперской политической культуры.

Претензии имперской экспансии на глобальные масштабы позволяют рассматривать их как глобалистские проекты, претендующие на общечеловеческую универсальную культуру, выступающие ростками («пробами пера») глобализации, создавая надэтническую и надконфессиональную политическую культуру. Тем самым открываются новые перспективы рассмотрения самой глобализации, ее содержания – с точки зрения имперской культуры. Это тем более актуально в настоящее время, когда новые национальные государства (не только «неудачные») остро нуждаются в наднациональном патронаже для своего социального и экономического развития. В этой связи сама глобализация приобретает несколько иной смысл и глубину: как выход к общемировому цивилизационному «фронтиру». Не интегрированные на этом уровне страны и народы оказываются на обочине мирового развития. Речь идет не столько об экономике и технологиях, сколько именно о развитии социальном, о качестве жизни. И в этом плане именно особенности имперской и постимперской культуры оказываются ключом к пониманию современной ситуации.

Веский аргумент относительно связи имперской и постимперской культуры дало недавнее исследование Д. В. Панченко причин культурного расцвета в Афинах V в. до н. э., давшее основание для обобщения, согласно которому эпоха культурного расцвета наступает в

результате выхода творчески продуктивного сообщества на ведущие позиции в актуальном для него мире. Обретаемое им влияние усиливает интеграцию и консолидацию, привлечение новых творческих сил, формирует вдохновляющее чувство сопричастности, оптимизм, готовность к новой масштабной деятельности, мотивацию к постановке и решению универсальных экзистенциальных задач. Критическая масса творческого человеческого и социального капитала реализуется в обществе, которое оказывает осязаемое влияние на окружающий мир [10: 142–154].

2. Тренд буржуазного национализма

Вместе с тем не менее очевиден, вроде бы, диаметрально противоположный глобалистски-имперскому тренд националистический, нарастание количества национальных государств.

Э. Геллнером было выделено несколько исторических этапов развития национальных государств в Европе [3].

Таблица 1

Стадии развития национальных государств в Европе (по Э. Геллнеру)

<i>Историч. период</i>	<i>Стадия</i>	<i>Суть изменений</i>	<i>Следствия</i>
До 1815 года	Аграрно-сословные общества с традиционными культурами и династическим государством		
1815–1918	Политический ирредентизм	Прежние государственные структуры в сочетании с формированием национализма (национальной идеи как политического принципа)	Разрушение существующих государств (империй) и границ
1914–1918–1945 годы	Триумф и поражения национального ирредентизма	Унаследованы все слабости, включая «новые меньшинства» с апелляцией к распределению ма-	Массовые убийства, депортации, Вторая мировая война

		териальных ресурсов и благ	
После 1945 года	Снижение накала этнических переживаний	«Приручение» национализма,	Федерализм, мультикультуральность, толерантность

В этой связи, Э. Геллнер говорит о «часовых поясах» становления национальных государств в Европе:

I. Страны Атлантического побережья.

II. Италия, Германия.

III. Страны бывшей Османской империи и Австро-Венгрии.

IV. Страны бывшей Российской империи.

Показательно, что в этой модели «реальный социализм» оказывается ускоренной формой индустриализации, которая все равно приводит к завершению буржуазной революции и формированию национальных государств.

Таблица 2

Цивилизации – культура – государство

<i>Цивилизационные зоны («часовые пояса»)</i>	<i>Культура</i>	<i>Государство</i>
Империи	Высокое разнообразие народов и культур	Унифицированное, единое
I	С о в	п а л и На этой основе почти моноэтнические национальные государства
II	На основе индустриализации вызрела единая культура	Интегрировало единую гражданскую идентичность
III	Вызрели разные	Распад слабых федераций на национальные государства
IV	Попытки нивелирования и создания новой культуры	При ослаблении мощного наднационального имперского государства – распад.
Ислам	Интегрированная культура. Демографический рост, урбанизация	Запрос на сильное государство

Противоречит ли этот тренд рассмотренному ранее имперски-глобалистскому? Или мы имеем дело с более сложным процессом, для понимания которого теоретический аппарат еще разработан слабо?

3. От «управленчества» – к «эффективным менеджерам» и корпоративизму

Надежду в поиске ответа дает опять же осмысление исторических тенденций развития государственных форм, прежде всего, их связи с развитием экономики и деловой активности.

В конце 1970-х гг. М. Фуко было проведено специальное исследование государственного «управленчества» («оправительствования государственности») [15], т. е. выхода в государстве на первый план исполнительной власти с ее управленческими функциями.

В греческих купеческих полисах главной функцией государства как объединяющей социум системы были закон и справедливый суд.

В животноводческих этносах Востока (включая иудеев) на власть возлагалась также пастырская задача – руководство душами подданных. Такое понимание государства перешло и в христианскую традицию.

В XVI–XVII вв. по мере нарастающей секуляризации общественной жизни в функциях государства выделяются отдельные направления управленческой деятельности: социальная политика, воспитание, образование, пропаганда, статистика. То есть, государство продолжает выполнять роль – если не пастыря, то поводыря. По мере урбанизации и формирования элементов массового общества в Европе формируется политическая среда, в которой конкурируют уже не династии, а государства.

С начала XVII столетия появляются теоретико-методические описания «управленческих технологий» государственной власти в роде полу-утопической науки о власти (die Polizeiwissenschaft) Т. де Майерца, в которой описывается идеальное das Polizeistaat, где Polizei (полиция) означает совокупную политическую деятельность государства, в структуре которого выделялись:

- Канцлер, отвечающий за правосудие, соблюдение законов,
- Коннетабль, отвечающий за дееспособную армию,
- Верховный интендант, отвечающий за финансы,

– Хранитель и реформатор полиции (в смысле исполнительной власти).

Если первые три департамента достаточно традиционны, то именно последний департамент составлял принципиальную новизну данной модели. В нем выделялись следующие службы:

– Бюро полиции, отвечающее за воспитание и образование детей и юношей, а также профессиональные гильдии, члены которых считались гражданами, а не записавшиеся объявлялись «сбродом».

– Бюро милосердия, занимающееся помощью бедным и инвалидам, здравоохранением, несчастными случаями и их жертвами, помощью мелким ремесленникам, в том числе их защитой от ростовщиков.

– Бюро регуляции рынка, производства и торговли.

– Бюро управления областями, отвечающее за дороги, недвижимость, реки, леса, публичные здания.

Кроме того, на этот департамент возлагается общая забота о нравственности, трудолюбии, скромности и лояльности граждан. То есть главной задачей государства объявлялись не контроль и наказание, а профилактика. Главным же предметом государственного управления объявлялся человек, его добродетели и пороки – как сегодня бы сказали: человеческий и социальный капитал. Величие общества, включая численность населения («изобилие граждан»), и процветание каждого связываются с благоприятностью, благополучием, удобством и радостью.

В этой модели уже прослеживаются цели будущего массового общества. Причем реализация этих целей возлагается на государство.

Построение таких моделей продолжилось и в XVIII в. Так, Деламар насчитал 13 областей деятельности полиции, включая: религию, нравственность, здоровье и питание, спокойствие, здания, дороги, науки и свободные искусства, торговлю, фабрики и ремесла, слуг и рабочих, театр и игры, образ жизни бедняков. Бросается в глаза, что в этом перечне обозначены практически все сферы городского образа жизни.

Та же тенденция к управленчеству проглядывает и в «Наказе» Екатерины II, в котором подчеркивалась важность не законов, а уставов (регламентов).

Такая государственность противостоит эсхатологии средневекового государства, и теперь государство выступает как вечная и беско-

нечная во времени (а то и пространстве) сущность. В этих концепциях, а отчасти и в практике на арену выходило государство «от себя» и «для себя», занимающееся не управлением в связи с законами, а в связи с необходимостью своего самосохранения, соблюдения «государственного интереса». Так Карл Великий в Саксонии творил суд без процесса. В практику все более входило прямое насилие («сначала молния, потом гром»), театральность власти, публичные жесты, аресты, казни... Можно сказать, что в акцентированном управленчестве отчетливо проглядывали черты будущего тоталитаризма.

Однако начиная с того же XVII в. возникают элементы новой системы управленчества, в которой:

- общество противопоставляется государству,
- признается абсолютная ценность населения как реальности,
- экономика все больше воспринимается как самостоятельный институт,
- самодостаточность нации как общества, обладающего своей политической истиной,
- безопасность понимается не только как ответ на угрозы, а как универсальное, перманентное состояние общества,
- свобода противопоставляется регламентации, отказ от полного послушания.

Согласно М. Фуко, эволюция форм государственности может быть представлена как последовательный ряд «ересей» по отношению теологической концепции, выхода на первый план «сект», претендующих на эффективное управление:

- До XVII в. государственное устройство и управление государством – проявление Божественного участия, часть общего мироустройства.
- Начало XVII в. – «ересь» политическая: «секты политиков», претендующих на рациональное управление обществом.
- XVIII в. – «ересь» самостоятельности и ведущей роли рыночной экономики, выдвигаемая «сектой экономистов».
- XX в. – «ересь» прав человека и гражданского общества, не зависящего от государства, самодостаточности социально-культурных и личностных факторов (социального и личностного капиталов).

Действительно, индустриализация, активное формирование национальных и мировых рынков вывели на передний план экономику, превратившуюся из одной из сфер забот управленчества (экономиче-

ского обеспечения государства) – в сферу, определяющую само политическое обустройство общества. Концептуально и теоретически это понимание соотношения экономики и политики было закреплено в классических работах А. Смита, П. Риккардо, а затем и К. Маркса, согласно которому экономика («экономический базис», уровень развития «производительных сил») определяет социальную и политическую динамику («классовую борьбу» и «политическую надстройку»). Сама политика предстала как концентрированное выражение экономики, как обслуживание экономических интересов элиты.

Показательно, что развитие этой тенденции привело к укрупнению капитала, формированию транснациональных корпораций и формированию новой экономической и политической силы – наемных профессиональных менеджеров, интересы которых иногда могут расходиться с интересами владельцев. Д. Бернхем [17; 18], а за ним Д. Белл и другие авторы стали говорить о «революции менеджеров». В СССР и других социалистических странах эта тенденция проявилась в формировании «нового класса» (М. Джилас) [19], номенклатуры (М. Восленский) [1], распоряжающейся «общенародной собственностью»

Д. Бёрнхем еще в 1940 г. предрекал, что капитализм обречен, но на смену ему идет не социализм, а новый тип централизованного общества, радикально изменяющего буржуазную демократию. Правящим классом в этом обществе будут те, кто реально контролируют средства производства: руководители компаний, бюрократы-администраторы, военные. Всех их он объединял в одну категорию «менеджеров». Эти люди устранят традиционных капиталистов, окончательно сокрушат рабочий класс и сосредоточат в своих руках экономические ресурсы и власть. Частная и общественная собственности конвертируются в некий новый вид собственности. Место многочисленных национальных государств займут некие большие сверхгосударства, сложившиеся вокруг индустриальных и экономических центров Европы, Азии и Америки. Их политические системы будут иерархичными: с менеджеральной элитой наверху. В современной терминологии Д. Норта это означает некую новую форму институциональной среды ограничения доступа. То, что централизованное общество склонно вырождаться в олигархию или диктатуру, известно давно и хорошо, так же как и то, что индустриализм и рыночная эконо-

номика стремятся перерасти в монополию, которая неизбежно вызывает к соответствующему государственному дизайну.

Глобализация, формирование транснациональных компаний, фактический вассалитет национальных государств по отношению к странам G8, общее движение в сторону олигархии едва ли вызывает сомнение. Все увеличивающаяся концентрация промышленной и финансовой мощи, все уменьшающаяся роль индивидуального капиталиста и акционера, рост влияния «эффективных менеджеров», упадок представительных институтов и появление однопартийных режимов, опирающихся на полицейский террор, фальсификацию выборов – все это указывает на одну и ту же тенденцию.

Не случайно идеи Бёрнхема получили респектабельное развитие сразу же после войны. Разработку проблемы отношений менеджеров и собственников, перехода контроля над производством от собственников к управленческому персоналу продолжили известные социологи П. Друкер, П. Сорокин, Д. Белл, Т. Парсонс, Р. Дарендорф. Речь идет, по сути, о двух тезисах. Во-первых, это отделение собственности от контроля: собственники, передав функции управления наемным менеджерам, теряют контроль над своим бизнесом. Во-вторых, чем дальше, тем быстрее исчезает класс капиталистов как таковой, а поскольку капиталист может существовать лишь вместе с пролетарием, исчезает и пролетариат. И если интерес буржуа лежит, прежде всего, в области извлечения максимальной прибыли, то менеджер, по мнению сторонников рассматриваемой нами концепции, заботится не только и не столько о прибыли, а об эффективности предприятия в более широком смысле слова, включающем, в частности, поддержание социального мира.

Именно на этом идейном фоне формировалась в свое время идея конвергенции капитализма и социализма. Позднее к этому добавились теория и практика корпоративной социальной ответственности (КСО), корпоративного гражданства, сформировавшие основу нового корпоративизма, который К. Крауч уже в наши дни назвал «приватизированным кейнсианством» [9].

При этом стоит отметить, что первыми новую структуру элиты заметили именно марксисты: в конце жизни Ф. Энгельс (он умер в 1895 г.), комментируя распространение практики акционерных обществ, которая как раз и вела к появлению фигуры управляющего, оценивал это как еще один симптом кризиса традиционного капита-

лизма. А в начале XX в. эта трактовка получила развитие в трудах немецких социал-демократов Э. Бернштейна и К. Шмидта.

Если на Западе разрешение этого конфликта приняло характер многовекторного и многоуровневого разведения зон ответственности, полномочий, регулирования лоббистской деятельности и мотивации управленческого аппарата к участию в деловой активности, что придало новые формы экономическим и политическим отношениям, то в СССР это приняло форму прямой конвертации управленческого влияния в собственность и власть [13: 145–149].

«Перестройка» и реформы 1990-х окончательно вернули Россию в общецивилизационный тренд. Это возвращение в условиях слабого гражданского общества привело к тому, что с поверхностной точки зрения воспринимается как правовой нигилизм и тотальная коррупция. Пожалуй, наиболее последовательное изучение особенностей советской и постсоветской политической системы как системы административных рынков реализовано в ряде работ С. Кордонского [7; 8]. Опыт этих исследований убедительно показывает причины того, почему и как не работают лекала стандартных демократических институтов в постсоветском обществе, сохраняющем инерцию «революции менеджеров». Поэтому задача состоит, по-видимому, в выстраивании системы социального аудита, расширяя и обобщая опыт, накопленный за рубежом в связи с развитием КСО, корпоративного гражданства, а возможно и – советский опыт планов социально-экономического развития предприятий и регионов...

Но в любом случае становится ясной нетривиальная роль деловой активности (бизнеса) в развитии форм политического обустройства.

4. От национализма к социальному партнерству

Российское общество нередко относится к отечественному деловому миру как к вынужденному злу, которое можно временно потерпеть – пока у него есть средства откупиться. И при этом, одновременно, демонстрируется агрессивное иждивенчество: «делиться надо», «пусть платят деньги, да побольше – у них они есть». Многие в этом отношении к российскому бизнесу связано с недопониманием самой природы деловой активности, ее места и значения в современном обществе.

Помимо *экономической* функции, это и *социальная* функция бизнеса, не только создающего рабочие места. Искусство, образова-

ние, наука, спорт в любой стране и в любом обществе не могут полноценно развиваться без поддержки со стороны делового мира. Не менее важна *политическая* функция бизнеса и менеджмента. Политическая жизнь любого общества в конечном счете выражает столкновение, борьбу конкретных интересов, прежде всего – экономических. Поэтому деловой мир оказывает определяющее влияние на принятие политических решений, без его активного участия и поддержки не обходится ни одна избирательная кампания, формирование органов власти. В определенной степени, деловой мир, мир бизнеса выполняет по отношению к обществу *лидерскую* функцию – в том плане, что его состояние, цели, характер и способы осуществления деловой активности определяют состояние общественной жизни: общие настроения, жизненные цели и т. д. В этой связи можно говорить и о *нравственной (этической)* функции деловой активности, этика которой оказывает решающее влияние на формирование реальной нравственной культуры.

Современный бизнес – одно из важнейших достижений цивилизационного опыта. Это непрерывно совершенствующийся синтез теории и практики, анализа и интуиции, функциональных знаний и умения руководить подчиненными, способности плодотворно вести дела с партнерами и клиентами и поддерживать заинтересованность сотрудников в достижении целей компании. Деловая активность – одна из наиболее динамичных и пластичных форм человеческой деятельности. Ее технология менялась и радикально, особенно – за последнюю сотню лет. Это обстоятельство, к сожалению, не всегда учитывается в российском общественном мнении, живущем до сих пор преимущественно представлениями о бизнесе середины позапрошлого столетия, бывшего предметом марксова анализа. Но именно в последовавший за этим период бизнес проделал серьезную и радикальную эволюцию.

Надо только учитывать специфику двух принципиально различные ситуации позиционирования и роли бизнеса. Есть ситуация «холодного» общества, в котором уже сложились институты, собственность и собственник легитимны, нравственному сомнению не подвергаются, их права выражены и гарантированы. В этом случае практикующиеся за рубежом стандарты корпоративной социальной ответственности (КСО), социальные инвестиции (СИ) и социальное партнер-

ство (СП) связаны с оптимизацией бизнесом условий своего развития – как «по эту», так и «по ту сторону забора».

В ситуации же «горячего» общества, в котором еще толком не устоялись итоги первоначального накопления, когда ведется борьба за удержание и передел собственности, положение обратное. Бизнес служит выразителем и «воплотителем» интересов групп влияния и интересов. Не столько он их оптимизирует, сколько они – его. Именно такова ситуация в современной России. И только по мере стабилизации собственности, «охлаждения» ситуации отечественный бизнес может перейти к полноценным моделям КСО. Западное и российское общество находятся в разных фазах, социального партнерства. В российской ситуации еще очень «теплого», не остывшего после первоначального накопления общества, где собственники и группы влияния находятся еще в стадии осознания, выражения и оформления своих интересов, роль бизнеса как площадки, инструмента консолидации и реализации различных интересов особенно важна.

Но не менее важно понимать, что эта роль конструктивна как для самого бизнеса, так и для социальных сил за ним стоящих, для общества в целом. Более того, сами процессы консолидации российского общества и его социально-экономического развития во многом зависят от способности и умения сознательно, вменяемо использовать механизмы и процессы консолидации, выражения и реализации этой общности интересов.

Более того, именно буржуазия, средний класс выступают главной социальной силой, формирующей запрос на национальное государство.

Существует чрезвычайно распространенное мнение, что источником, питающим националистические настроения и движения в обществе, являются депрессия и депривация. В результате этих процессов создаются маргинальные группы, рессентимент которых находит выражение в апелляции к национальной идентичности, националистической идеологии, в стимулируемых ими формах агрессивного поведения.

Не менее распространенным является и оценка таких цивилизационных процессов, как глобализация и массовое общество (тем более – постиндустриальное общество массового потребления) в качестве нивелирующих, усредняющих факторов общественного сознания.

История опровергает оба эти тезиса, которые оказываются заблуждениями, чреватými не только и не столько теоретической несостоятельностью, сколько политическими ошибками.

Начнем с исторического аргумента относительно формирования наций. Ранее было показано [12: 6–10], что и примордиалисты и конструктивисты в спорах о природе наций сходятся в том, что нации – исторический феномен Нового времени, одно из проявлений модерна. Общеизвестна также и роль социально-культурных технологий (гуманитарного знания, искусства, СМИ, массовых форм досуга и развлечений) в формировании национального самосознания. Именно на этом основаны знаменитые квалификация Б. Андерсоном наций как «воображаемых общностей» [16] и тезис Э. Геллнера [2], что не нации порождают национализм, а наоборот – национализм порождает нации.

Но почему – именно в Новое время, именно одновременно с модерном возникает все нарастающий запрос на национальное самосознание, национальную идентичность? А главное – почему этот тренд продолжает действовать в наше время, в эпоху глобализации, информационного постиндустриального массового общества, формирование и развитие которых должно было бы нивелировать этот тренд? Однако мы имеем дело с ростом национально-этнических конфликтов, борьбой за «национальный суверенитет», со все более дробными сецессиями, ведущими к формированию множества несостоятельных государств...

Ответ, как представляется, кроется в более углубленном понимании общецивилизационного тренда. И нынешний национализм, и «национально-освободительные движения» – суть проявления, продукты именно этих цивилизационных процессов: массового общества и глобализации. Но не реакции на них, отторжения этих процессов, а наоборот – и эти процессы и национализм лежат в одном тренде. И этот тренд – формирование и развитие среднего класса, выступающего расширяющимся ядром массового общества.

О чем идет речь... Освоение мануфактурного производства, индустриализация стимулировали рост городов, в которые стягивались представители разных этносов, носители разных культур и соответствующих идентичностей. Урбанизация, индустриальное производство, практики управления в этих условиях с необходимостью требовали не только единого административного языка... Главное – требовались новые условия легитимности власти, которые основывались бы на

новой идентичности. Вот тут на арене и появляются система образования, возникшие СМИ, формы досуга (от карнавалов и развлечений до театра и кино), художники, писатели, философы, историки. Появляются книги, пьесы, романы, на основе фольклорных материалов пишется «национальный» эпос... Следствием чего и выступает национальное сознание, формирующее «воображаемое общество» – нацию. И носителем этой идентичности выступают горожане – из которых и формируется средний класс и (как форма его самоорганизации) гражданское общество. (Слово «гражданин» на всех языках восходит к «горожанин».) И, по мере развития цивилизации, эта социальная база расширяется и нарастает.

Более того... Глобализация только усиливает проявления этого тренда. И дело не столько в борьбе за суверенитет как распоряжение ресурсами. Конечно, этот фактор своеобразного «огораживания» действует. Достаточно вспомнить результаты «национально-освободительных движений», «распада колониализма». Например, в 1960-х гг. можно было ожидать активного формирования на руинах британских, французских, испанских и португальских колоний новых государств. Но банту не объединились с банту, йоруба с йоруба, зулу с зулу и т. д. Наоборот, попытки такого рода были активно пресечены «национальными элитами», сформировавшимися в колониальное время и своего не отдавшими. В результате новые африканские государства остались в старых, колониальных границах. То же самое раньше произошло в Латинской Америке, Азии.

Но, кроме удержания ресурсов, «огораживания суверенитетом», действует и все усиливается фактор интеграции, вхождения в интенсивно глобализирующееся экономическое, информационное, политическое пространство. Но успехом такой интеграции является уникальная неповторимость. Потому как только уникальное глобально! Вторичность ведет к неконкурентоспособности. Вторичных глобализация сметает. Успех ждет только уникально неповторимых, создающих свой экономический, культуральный бутик. И этот фактор, несомненно, только усиливает поиски и конструирование все более дробных национальных идентичностей, а значит – национальных самосознаний, а значит – наций.

Но ситуация не однонаправлена. Она многомерна, и отнюдь не сводится только к дивергенции. Более глубокое измерение ей придает учет личностного, персонологического фактора. В настоящее время, в силу ряда общецивилизационных факторов, активно формируется но-

вая персонология, в которой личность во все большей степени предстает как проект, или даже – как серия проектов [11: 250–265]. Разумеется, при этом не происходит полного отказа от статуарных и ролевых идентификаций. Они становятся некими признаками, используемыми в технологии формирования и продвижения личности как бренда. Статус и роль становятся не целью, конечным результатом идентификации, а средством реализации проекта.

Самое главное в данном контексте – это то, что в современно глобализированном мире, приобретая проектное признание в общемировом масштабе, личность (бизнесмен, художник, актер, спортсмен, даже политик) могут опираться и опираются на другие свои идентификации, включая этническую, приобретая, тем самым, некоторые конкурентные преимущества. И массовое информационное общество в условиях глобализации дает исключительные возможности реализации таких преимуществ. Потому как – только уникальное глобально.

Важно, что и в этом случае речь идет именно о среднем классе, его наиболее продвинутой части.

Таким образом, оба, на первый взгляд, противоречащих друг другу тренда глобализации и нарастания национализма сходятся в носителе обеих тенденций среднем классе – буржуазии (во всех европейских языках слово гражданин восходит к «горожанин», т. е. citizen, der Buerger, bourgeois). С одной стороны, она вступает социальной базой формирования экономической, информационной, отчасти – культурной глобализации, формирования наднациональных политических институтов, облегчающих и упорядочивающих контакты и самореализацию. С другой, все тот же middle формирует националистический запрос. Только надо понимать, что речь идет не столько об экономическом и политическом национализме, сколько о формировании экономического и политического бутика, занимающего уникальную позицию в глобализированном мире. Потому что, повторюсь, только уникальное глобально. Не уникальное, вторичное – оказывается неконкурентоспособным.

Именно этот рыночный закон формирует современную политическую жизнь. При всей своей корпоративности он оказывается ориентированным на формирование и укрепление многовекторного социального партнерства – как внутри страны, так в ее внешних связях. Единый мир становится все более единым и многомерным одновременно.

1. Восленский М. Номенклатура. М.: Политиздат, 1991.
2. Геллнер Э. Нации и национализм. М., 2005.
3. Геллнер Э. Условия свободы. Гражданское общество и его исторические соперники. М., 2004.
4. Жувенель Б. де. Власть. Естественная история ее возрастания. М.: ИРИСЭН, 2011.
5. Кожев А. Атеизм и другие работ. М.: Праксим, 2007;
6. Кожев А. Понятие власти. М.: Праксис, 2007.
7. Кордонский С. Г. Россия: поместная федерация. М.: Европа, 2010.
8. Кордонский С. Рынки власти: Административные рынки СССР и России. М.: ОГИ, 2006.
9. Крауч К. Постдемократия. М.: ВШЭ, 2010.
10. Панченко Д. В. Культурный расцвет в Афинах в V в. до н.э. в сравнительно-историческом освещении // Вестник древней истории. 2012. № 2. С. 142–154.
11. Тульчинский Г. Л. Личность как проект и бренд // Наука телевидения. Вып.8. М., 2011. С. 250–265.
12. Тульчинский Г. Л. Национальная идентичность и социально-культурные технологии ее формирования // Этнические процессы в глобальном мире. СПб.: Изд-во Полит.ун-та, 2010. С. 6–10.
13. Тульчинский Г. Л. Революция менеджеров по-советски // Публичная политика-2013: сб. статей / под ред. М. Б. Горного и А. Ю. Сунгурова. СПб.: Норма, 2014. С.145–149.
14. Уолцер М. О терпимости. М., 2000.
15. Фуко М. Безопасность, территория, население: курс лекций, прочитанных в Коллеж де Франс в 1977–1978 гг. СПб.: Наука, 2011.
16. Anderson B. Imagined Communities. L.-NY: Verso, 2006.
17. Burnham J. The managerial revolution: what is happening in the world. NY: The John Day company, 1941.
18. Burnham J. Machiavellians defenders of freedom. NY: The John Day company, 1943.
19. Djilas M. The new class. NY: F. A. Preger, 1957.